

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ СОВЕТСКОЙ ОБРЯДНОСТИ: «КРАСНЫЕ ПРАЗДНИКИ» В КАЗАЧЬИХ СТАНИЦАХ ЮГА РОССИИ 1920-Х ГГ.*

Аннотация: На примере дат советского календаря анализируются особенности культурных преобразований в казачьих станицах Юга России на протяжении 1920-х гг. Освещены мероприятия органов власти по проведению «красных праздников», рассмотрены типичные компоненты и характеристики праздничных мероприятий эпохи НЭПа. Раскрывается реакция казаков на «красные праздники», в зависимости от возраста, религиозности, отношения к советской власти.

Ключевые слова: большевики, изба-читальня, иногородние, казачество, митинг, октябрьская революция, праздники, скачки, советская культура, станица.

Октябрьские события 1917 г. означали для России не только смену политического режима или даже социально-экономической структуры, но и стали основой для зачастую радикальных и бескомпромиссных преобразований традиционного, веками складывавшегося жизнеустройства ее населения. Власть сама по себе, как условие личного обогащения или повышения социального статуса, для большевиков не имела доминирующей ценности. Она была необходима руководству РКП(б) как главный инструмент для воплощения в жизнь их смелых мечтаний о глобальном переустройстве общества на началах «свободы, равенства и братства» (другое дело, какими методами большевики собирались создавать это общество и каких результатов достигли). В соответствии со знаменитыми строками «Интернационала», члены компартии намеревались «разрушить до основанья» весь старый мир и построить на его месте мир новый, справедливый. Подчеркнем, что речь шла именно о создании мира, то есть, как минимум, о конструировании нового общества во всей его сложности и многомерности. По новым меркам и правилам должны были жить все.

В рамках этих масштабных, радикальных преобразований «буржуазная», «мещанская» культура досоветской России подлежала ликвидации, а ей на смену должна была явиться культура новая, «пролетарская». В частности, это выражалось в изменении праздничных дат календаря, который, впрочем, и сам подвергся реформированию (как известно, большевистское руководство отказалось от юлианского календаря и перевело страну на григорианский, более точный и использовавшийся в европейских странах). В начале декабря 1918 г. специальным декретом Совнаркома были установлены следующие праздничные дни: 1 января (Новый год), 22 января (9 января по старому стилю – трагическое «Кровавое воскресенье»), 12 марта (низвержение самодержавия), 18 марта (день Парижской коммуны), 1 мая (день Интернационала), 7 ноября (день Пролетарской революции).¹ Эти праздники стали основой нового, «революционного» или «красного», календаря.

Создание новой культуры, в том числе «праздничной», представляло собой, по выражению известного большевистского лидера В.И. Ленина, «архиважную» задачу. Но задача эта была и архисложной в силу огромных масштабов предстоящих изменений и неготовности российского общества безоговорочно их принять. С.В. Журавлев и А.К. Соколов справедливо отмечают в этой связи, что «изменить общественный

* © Панкова-Козочкина Т.В., Тикиджьян Р.Г.

строй оказалось куда проще и быстрее, чем поменять уклад жизни миллионов граждан такой необъятной страны, как Россия».² И смысловое наполнение новых праздников, и форма их проведения далеко не сразу упрочились в жизни и сознании преобладающего большинства населения Советской России. В.В. Глебкин совершенно обоснованно характеризует «процесс создания культурных форм, соответствующих советскому празднику», как «столкновение двух пластов, формирующих советскую культуру, двух «моделей мира», одну из которых можно условно соотнести с мироощущением русской интеллигенции, другую – с мироощущением тех, кого эта интеллигенция объединяла в названии «русский народ».³

С наибольшим трудом новые культурные веяния (в том числе праздники) укоренялись в российской доколхозной деревне, которая, по сравнению с городом, отличалась большим консерватизмом, и где представительство коммунистов было минимальным. Данное утверждение особенно справедливо по отношению к селам и станицам Дона, Кубани, Терека и Ставрополя. В рассматриваемый период времени перечисленные регионы входили сначала в состав такого административно-территориального образования, как Юго-Восток России, а с ноября 1924 г. – в состав Северо-Кавказского края (в современной же научной литературе их принято характеризовать как расположенные на Юге России). Распространению в деревне Юга России большевистской идеологии и базирующихся на ней культурных новаций препятствовали не только невысокий удельный вес промышленного пролетариата и вообще городского населения (бывшего основным проводником новой культуры), но и наличие казачества, «с его традициями, с целым культом обычаев»⁴ (как выразился в 1926 г. секретарь ЦК ВЛКСМ А.В. Косарев).

В региональной южнороссийской историографии такая тема, как трансформация традиционной праздничной культуры в первое постоктябрьское десятилетие, практически не рассматривалась, поскольку в советский (да и в постсоветский) период внимание исследователей было сосредоточено на социально-экономических проблемах НЭПа. Между тем освещение данной темы позволяет не только расширить наши познания о повседневности доколхозных сел и станиц Юга России, но и полнее представить региональные особенности «культурной революции», а также осмыслить процесс внедрения новых вех мироустройства в казачий быт и проследить, как казачество постепенно, шаг за шагом становилось советским.

Как мы уже отмечали, именно в городе советские культурные новации закреплялись в первую очередь, что объяснялось определенной открытостью и динамичностью городского социума; именно город являлся центром, транслировавшим культурные веяния в окрестные деревни и села. Города в наибольшей степени обладали возможностями для проведения «красных праздников». Не случайно крестьяне в 1920-х гг. с оттенком зависти говорили, что «город – это красный аристократ по сравнению с деревней».⁵ Показателен в данной связи план празднования 1 мая в административном центре Юга России – г. Ростове-на-Дону, составленный работниками Донского областного комитета РКП(б) в 1920 г. Заметим, что буквально несколько месяцев назад в январе 1920 г. город успешно штурмовали части РККА. Еще полыхала гражданская война, и недалеко в Крыму П.Н. Врангель собирал силы для своего наступления, готовый воевать против большевиков по его известному заявлению буквально «хоть вместе с чертом» и гарантировавший тогда «внутреннюю независимость» казачьих областей.

Согласно плану, торжественные предпраздничные заседания с докладами о значении дня Интернационала следовало провести в городских учреждениях уже 26 апреля, а на предприятиях – 29 апреля. Непосредственно на 1 мая намечалось про-

ведение торжественного шествия. Открывать праздничную колонну должен был грузовик с «фигурой крестьянина» в 5 аршин (более 3,5 метров). За грузовиком следовал трактор, тянувший 4 площадки, на которых располагались «фигуры крестьянина и рабочего в братском рукопожатии – символ смычки города с деревней», «крестьянки и Пуанкаре – шарж», «модель красного плуга» в 6 аршин (свыше 4 метров). В плане подчеркивалось, что «все шествие будет декорировано гирляндами зелени и красной материи, равно как и всевозможными лозунгами», в нем примут участие не только горожане, но и рабочие окрестных совхозов. Не были забыты и дети, которым, как предполагалось, «в день 1-го Мая будут розданы небольшие подарки».⁶

Как видим, даже в 1920 г., когда экономика Юга России (как и всей страны) лежала в руинах, представители власти в городах имели возможность изыскать для проведения торжественных шествий и технику, и материальные средства. Городское же население, в особенности рабочие, – социальная база большевистского режима, – с готовностью и удовольствием принимали участие в праздновании памятных дат «красного календаря», которые не только напоминали о знаковых событиях «пролетарского движения», но и свидетельствовали об укреплении советской власти. Однако территории Дона, Кубани, Ставрополя и Терека не отличались высокой концентрацией городского населения и, в частности, промышленных рабочих. Даже в конце 1920-х гг. в Северо-Кавказском крае на 100 крестьян приходилось всего лишь 1,2 представителей пролетариата.⁷ Подавляющее большинство населения Юга России составляли крестьяне и казаки, проживавшие в селах и станицах и занимавшиеся сельским хозяйством. На селе же возможности проведения «красных праздников» были совершенно иными, как и само отношение к ним определенной части хлеборобов.

Что касается возможностей, то отмечать «красные праздники» с размахом, более-менее близким к городскому, могли себе позволить только власти и жители крупных сел и станиц. В 1920 г. парторганизация ст. Великокняжеской Сальского округа (в 1925 г. переименована в Пролетарскую) сообщала окружному руководству о проведенном праздновании 1 мая, что праздник «прошел с большим подъемом. Утром в 8 час.[ов] к зданию Окружного Военного Комиссариата стройными рядами собрались местные профсоюзы, красноармейцы, сотрудники учреждений, учащиеся местных школ, откуда после кратких речей о значении праздника отправились на работы. Взрослые на опытном поле, а дети в местный детский приют и детский сад для работы. Работа на опытном поле прошла с большим оживлением, окапывали поле, пахали трактором. Всякие такие действия были три раза сфотографированы. Детям [были] розданы сладости и подарки». Затем в 2 часа дня «собралась тысячная волна рабочих, железнодорожников, красноармейцев, детей и сотрудников учреждений, со знаменами флагами и плакатами, дети каждый с флажками, двинулись по главной улице на соборную площадь к братским могилам, где устроен памятник павшим братьям, арка, эстрада для хора и трибуна для ораторов». На митинге ораторы повествовали об истории праздника и его значении «в коммунистической республике». После митинга жители станицы разошлись в театр, на концерт, в кино, а «вечером дан был бесплатно спектакль, была поставлена пьеса революционного содержания».⁸

Однако возможности Великокняжеской не шли ни в какое сравнение с более мелкими станицами, селами, а тем более хуторами. Здесь у местных властей (станичных и сельских советов) зачастую попросту не было средств на проведение праздников. Определенную помощь могли оказать власти городов или крупных сельских населенных пунктов. Так, из той же Великокняжеской к 1 мая в ряд близлежащих хуторов и сел «была дана красная материя, денежные авансы».⁹ Но, разумеется, подавляющее большинство сел, станиц, хуторов Юга России при подготовке и проведении «крас-

ных праздников» должны были обходиться своими собственными силами.

Кроме того, чем менее значительными размерами обладал тот или иной сельский населенный пункт, тем меньше в нем было лиц, способных к организации праздников «революционного календаря». Чаще всего этим занимались секретари местных партийных ячеек (если таковые существовали), председатели сельских (станичных) советов, работники изб-читален. Что касается роли секретарей партячеек в организации праздников, то об этом свидетельствует превосходное высказывание, прозвучавшее на одном из пленумов Донского окружкома ВКП(б) в 1925 г.: «в деревне культурной сокровищницей, культурным столбом является секретарь».¹⁰ Достаточно важную роль в организации праздничных действий играли избы-читальни (или, на южнорусский манер, хаты-читальни), где «формировались новые формы культурного досуга, новые советские обряды и праздники, которые активно противостояли обрядам церкви и пропагандировали новый, социалистический быт».¹¹ И представители власти, и сами крестьяне и казаки обоснованно утверждали, что «изба-читальня – это огонек в деревне»,¹² «изба[-]читальня в станице является единственным просветительным органом»¹³ (хотя, с другой стороны, в прессе признавалось, что «с введением новой экономической политики, с переходом избы-читальни на местный бюджет» культурно-просветительная работа её сократилась, «и крестьянство снова начинает погружаться в спячку»¹⁴). Подчеркивая роль данных учреждений в организации массового советского досуга, члены Донского окружкома РКП(б) указывали в 1924 г.: «через избы и только через нее организуются все агитационно-пропагандистские кампании», в частности, «празднования 7-й годовщины Октябрьской революции».¹⁵

В то же время необходимо подчеркнуть, что избы-читальни располагались в более-менее крупных сельских населенных пунктах. В хуторах, небольших слободах и селах их не было, о чем, например, свидетельствуют данные по Донскому округу на 1 мая 1924 г.: к этому времени здесь насчитывалось всего лишь 161 изба-читальня.¹⁶ Соответственно, всякого рода «агитационно-пропагандистские кампании» организовывались и проводились здесь исключительно представителями местного руководства, которым и без того хватало повседневных забот. В итоге в относительно небольших сельских населенных пунктах «красные праздники» не отмечались многие годы. Так, даже в 1934 г. политотдел Кашарской МТС Азово-Черноморского края (куда входили территории Дона и Кубани), докладывая руководству одноименного района о проведении ноябрьских торжеств, утверждал, что «это в истории глубинки было гулянье представлено в первый раз».¹⁷ Наконец собрались и отметили впервые 17-ю годовщину главного праздника страны.

Говоря об отношении сельских жителей к «красным праздникам», следует отметить, что оно нередко было гораздо менее восторженным или хотя бы терпимым, по сравнению с горожанами. Повторимся, что зачастую жители относительно небольших сельских населенных пунктов годами не праздновали знаменательные даты советского календаря, хотя и знали об их существовании. Это, впрочем, еще не свидетельствовало об отрицательном отношении крестьян к новым праздникам: просто нужен был пример, чтобы увлечь их. Превосходное описание такой ситуации предоставил осенью 1925 г. сельский корреспондент (селькор) из небольшого хутора, расположенного в Каменском районе Северо-Кавказского края. По его словам, «наш глухой уголок, насчитывающий всего 30 хозяйств, в первый раз за восемь лет праздновал праздник октябрьской революции. С утра чувствовалось какое-то неопределенное положение: многие ждали, кто первым выедет на пахоту, но такого не находится... ждут... Вдруг на улице появляется красное знамя в руках у 7-ми летнего школьника и все бросают мысль о пахоте, собираются к совету», где начался митинг.¹⁸

В то же время крестьяне и казаки старших возрастов («темные захоластные массы народа»,¹⁹ по выражению одного из южнороссийских селькоров) не желали менять устоявшийся уклад своей жизни, заметную роль в котором играли церковные праздники, теснейшим образом связанные с сельскохозяйственным циклом. Консерватизм сельских жителей, достигших почтенного возраста, проявлялся не только в отказе их от участия в массовых советских торжествах, но и от посещения тех же изб-читален. Представители власти на Юге России неоднократно отмечали в 1920-х г., что «взрослое население не заинтересовано работой изб[-читален] и недостаточно втянуто в [их] работу».²⁰ По этому поводу секретарь партийной ячейки села Александровка Азовского района Донского округа говорил на совещании секретарей сельских партячеек в 1925 г., что «в избе-читальне думаю не только у нас, но и всюду стариков много не найдешь».²¹ В основном завсегдатаями изб-читален являлась сельская молодежь, которая, в отличие от своих отцов и дедов, предпочитала данные заведения посещению церкви. Как говорил один из донских партработников в 1926 г., «молодые крестьяне, хотя в спорах и доказывают, что бог есть, однако предпочитают ходить даже в плохую избу-читальню, чем в церковь».²²

Более того, некоторые сельские жители старших возрастов были иногда способны к активным действиям по срыву празднования знаменательных дат советского календаря. Как сообщали сотрудники ОГПУ, в 1927 г. во время празднования очередной годовщины Октябрьской революции в ст. Славянской Северо-Кавказского края «группой монахов и монахинь, прибывших с гор Северного Кавказа, совместно с религиозной частью населения, была произведена попытка сорвать празднество в станице». С этой целью «толпа с крестами, иконами и пением «Спаси господи люди твоя» – направилась к площади, на которой происходил митинг, но своевременно колоннами демонстрантов была оттеснена». Органами милиции были арестованы 68 участников этого несанкционированного шествия, причем, «будучи приведены в отделение Милиции, монахи и монахини пытались сорвать портреты вождей, в частности т. Ленина».²³

Весьма критичное, а нередко, – враждебное отношение к «красным праздникам» демонстрировали казаки, особенно старших возрастов (таковые именуется в источниках «длиннобородые»²⁴ или «бородачи»²⁵). Подобное отношение было вполне объяснимо, учитывая остроту конфликтов между казаками и «красным лагерем» в годы Гражданской войны. Несмотря на окончание ожесточенного гражданского противостояния в 1922 г., в первой половине 1920-х гг. взаимоотношения между казачьими сообществами Юга России и большевиками оставались весьма напряженными: даже в марте 1925 г. информотдел ЦК РКП(б) признавал, что «почти по всем материалам» с мест настроение казачества «характеризуется как враждебное и недоверчивое по отношению к советской власти и партии».²⁶ Разумеется, в таких условиях советская культура (в том числе и праздники) воспринималась значительной частью казачества как исключительно чуждое явление и напрочь отвергалась.

Любопытно, что зачастую в станицах Юга России, где проживало смешанное, крестьянско-казачье население (то есть казаки и так называемые «иностранцы»), празднование знаменательных дат советского календаря начиналось именно там, где селились иностранцы. Так, в 1925 г. в селе Константиновском Северо-Кавказского края в празднике Октябрьской революции первоначально приняли участие лишь местные иностранцы. Они собрались к станичному совету, оттуда пошли к братским могилам погибших во время Гражданской войны, «где состоялись воспоминания». Затем «демонстрация направилась за балку, в ту часть станицы, где живут одни казаки. Казаки приветливо встретили демонстрацию, преподнесли хлеб-соль и графин с вином

(по местному обычаю). Здесь с приветственными речами выступали представители организаций и хлеборобы-казаки». ²⁷ Несмотря на доброжелательное отношение константиновских казаков к демонстрантам, праздновавшим день Октября, очевидно, что по собственной инициативе они вряд ли бы стали его отмечать. Ведь большинству донских казаков (80 % которых воевало в годы Гражданской войны на стороне Белого движения) этот праздник был откровенно чужд. То же можно сказать и о кубанских, и о терских казаках.

Нормализация взаимоотношений между большевиками и казачеством наметилась лишь по итогам апрельского (1925 г.) пленума ЦК РКП(б), на котором было принято известное решение о необходимости внимательного подхода к казакам (в частности, к казачьим традициям) и вовлечения их в советскую работу. Реализация данного решения на местах способствовала, помимо прочего, и усилению проникновения элементов новой культуры (в том числе и праздничной обрядности) в повседневную жизнь казачьих станиц. Ведь, поскольку казакам было объявлено о признании их равноправными членами советского общества, в лучшую сторону изменилось и отношение членов казачьих общностей к культурным новациям, усиленно внедряемым большевиками в селах и станицах Дона, Кубани, Терека, Ставрополья.

С другой стороны, решения апрельского (1925 г.) пленума в определенной мере способствовали легализации традиционных элементов казачьей праздничной культуры. Дело в том, что в первом пункте решения пленума настоятельно рекомендовалось: «признать недопустимым игнорирование особенностей казачьего быта и применение насильственных мер по борьбе с остатками казачьих традиций». ²⁸ Причем парторганизации казачьих регионов СССР, уловив изменения тактики ЦК в отношении казачества, озаботились учетом местных особенностей и традиций еще до апрельского пленума. Так, казачья подкомиссия комиссии по работе в деревне Донского окружкома РКП(б) 19 января 1925 г. утвердила план ближайших мероприятий, в числе которых значилось изучение вопроса «о казачьих традициях на Дону». ²⁹ Расширенный пленум Кубанского окружкома РКП(б) 22 февраля 1925 г. принял резолюцию «О работе в станице и вовлечении казачества в советскую и общественную работу», где указывалось, что среди членов партии необходимо провести «цикл бесед по истории края и тех отношений, которые складывались здесь». ³⁰

Подобная терпимость привела к любопытному сосуществованию в праздничной обрядности казачьих станиц Юга России старых и новых элементов. Примером подобного сосуществования (первоначально эклектичного, а затем и все более органичного) являлось празднование годовщины Октябрьской революции в станице Романовской Сальского округа в 1925 г. Сначала, по всем правилам новой, советской, обрядности, здесь «были проведены собрания с докладами и воспоминаниями». Затем, однако, празднование пошло по вполне традиционным сценариям: были устроены «скачки, джигитовка, рубка лозы и т.д. Как на собраниях, так и на этих развлечениях присутствовало много казаков – от малых школьников до седобородых казаков». ³¹ Празднование столетия станицы Боргустанской Терского округа 1 октября 1925 г. сопровождалось митингами и выражением преданности местным казакам советской власти, что выразилось в принятии в почетные члены станичного сообщества («почетные казаки») группы известных советских деятелей и военачальников М.И. Калинина, А.И. Рыкова, С.М. Буденного и М.В. Фрунзе, а также председателя Терского окружного исполкома и секретаря окружного комитета РКП(б). Когда же «состоялось чествование шести старейших казаков и казачек станицы», то старики, символизируя единение поколений под эгидой советской власти, «преподнесли молодежи красное знамя». Но и здесь праздник не обошелся без традиционных казачьих скачек и джигитовки. ³²

Вообще, в данное время скачки являлись почти непременным элементом казачьего праздника. Например, в станице Константиновской 14 – 16 октября 1925 г., во время празднования Дня урожая (этот земледельческий праздник был установлен в 1922 г.) «за рекой Дон были устроены скачки, вызвавшие большой интерес со стороны казачества», причем в состязаниях приняли участие и «бородачи».³³ Необходимо добавить, что скачки и джигитовка, являвшиеся выражением удали, молодечества, боевых навыков, были настолько близки казачьей ментальности, что сохранились, несмотря на все перипетии советского периода истории казачества, и в 1930-х гг., и позднее, в послевоенное время. Проводятся такого рода состязания на Юге России и в наши дни, в рамках тех или иных праздничных мероприятий.

Итак, на протяжении 1920-х гг. большевистская модернизация праздничной обрядности в казачьих регионах Юга России была опосредована не только факторами, общими для всей советской доколхозной деревни (натянутые отношения между крестьянством и властью, слабость сельских парторганизаций, культурно-просветительской сети, и пр.), но и социокультурной спецификой данной регионов. Казаки, рассматривавшиеся большевиками как убежденные и неисправимые контрреволюционеры, весьма критично относились к начинаниям новой власти, в том числе и к «красным праздникам». Даты и ориентиры нового советского календаря медленно приживались в общественной жизни казачьих станиц. Порой больше десятилетия уходило на то, чтобы казаки начинали на них как-то реагировать. Советская праздничная обрядность стала проникать в донские, кубанские, терские станицы и укрепляться здесь, в особенности после проказачьих решений апрельского (1925 г.) пленума ЦК РКП(б). Причем «красные праздники» в казачьих станицах непременно включали в себя и традиционные элементы, такие, в частности, как скачки и джигитовка. Именно признание «красных праздников» создавало идеологическую платформу для утверждения в казачьих станицах советской обрядности. Новые памятные даты становились точками отсчета советской истории, которую в большей мере приветствовала казачья молодежь, традиционно тянувшаяся ко всему новому, неизведанному.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- 1 Декреты Советской власти. М., 1968. С. 123.
- 2 Журавлев С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 287.
- 3 Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. М., 1998. С. 75.
- 4 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 86, д. 37, без нумерации.
- 5 РГАСПИ, ф. 17, оп. 85, д. 16, л. 96.
- 6 Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО), ф. 4, оп. 1, д. 24, л. 1.
- 7 Осолков Е.Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа (очерки истории партийного руководства коллективизацией крестьянских и казачьих хозяйств). Ростов н/Д., 1973. С. 61.
- 8 ЦДНИ РО, ф. 97, оп. 1, д. 13, л. 1.
- 9 ЦДНИ РО, ф. 97, оп. 1, д. 13, л. 1.
- 10 ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 45, л. 37.
- 11 Брудный В.И. Обряды вчера и сегодня. М., 1968. С. 67.
- 12 А.Р. Изба-читальня – культурный огонек деревни // Новая деревня. 1926. № 3. С. 34.
- 13 Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 396, оп. 3, д. 576, л. 7.
- 14 Тенс А. Дом Крестьянина // Новая деревня. 1924. № 5. С. 74.
- 15 ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 17, л. 48.
- 16 ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 14, л. 61об.
- 17 ЦДНИ РО, ф. 36, оп. 1, д. 52, л. 36.
- 18 РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 795, л. 564.

- 19 РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 577, л. 65.
- 20 Материалы к отчету Донской контрольной комиссии к XII окружной партконференции (1 октября 1925 – по 1 октября 1926 г.). Б.м., б.д. С. 32.
- 21 ЦДНИ РО, ф. 4, оп. 1, д. 70, л. 13.
- 22 ЦДНИ РО, ф. 97, оп. 1, д. 48, л. 16.
- 23 РГАСПИ, ф. 17, оп. 85, д. 71, л. 21.
- 24 РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 795, л. 5.
- 25 ЦДНИ РО, ф. 4, оп. 1, д. 70, л. 8.
- 26 РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 904, л. 82, 83, 84.
- 27 РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 795, л. 564.
- 28 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1989 – 1953. Изд. 7-е. В 2-х ч. Ч. I. 1898 – 1925. М., 1953. С. 932.
- 29 ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 32, л. 5.
- 30 Коллективизация сельского хозяйства на Кубани. Сб. документов и материалов. Т. 1. 1918 – 1927 гг. / Под ред. С.Ф. Парашенко, А.Н. Трубицыной. Краснодар, 1959. С. 122.
- 31 РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 795, л. 555.
- 32 РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 795, л. 787.
- 33 РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 795, л. 583.

T. Pankova-Kozotchkina, R. Tikidzhyan

FEATURES OF SOVIET RITUALISM IDEOLOGICAL PLATFORM: “RED HOLIDAYS” IN COSSACK VILLAGES IN THE SOUTH OF RUSSIA IN 1920-IES

Abstract: Based on the dates of Soviet calendar the features of cultural changes in Cossack villages in the south of Russia over 1920-ies are analyzed. The actions of authorities to celebrate “red holidays” are spotlighted, the typical components and characteristics of festive events in the period of New Economic Policy are considered. The reaction of Cossacks to “red holidays” is revealed, depending on their age, religiosity and loyalty to the Soviet government.

Key words: Bolsheviks, village reading room, non-residents, Cossacks, political meeting, October Revolution, holidays, horserace, Soviet culture, village.